

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 54. «Таится дремный мир сказаний»

Выпуск № 97

Даниил Андреев

Древнее

Над рекою, в нелюдимом предвечерии,
Кочевой уже потрескивал костёр,
И туманы, голубые как поверия,
Поднимались с зарастающих озёр.

Из-за мыса мелового, по излучине
Огибая отражающийся холм,
С зеленеющими ветками в уключине
Показался приближающийся чёлн.

И стремительно, и плавно, и таинственно
Чуть серел он в надвигающейся тьме,
И веслом не пошевеливал единственным
Сам Хозяин на изогнутой корме.

Борода иссиня-чёрная да волосы –
Богатырская лесная красота:
Лишь рубаха полотняная без пояса
Да штаны из домотканого холста.

Этим взором полесовщик и сокольничий
Мог бы хищную окидывать тайгу;
Этой силою двуперстие раскольничье
Утверждалось по скитам на берегу;

Этой вере, этой воле пламенеющей
Покоряются лесные божества,
И сквозь сумерки скользит он – власть имеющий,
Пастырь бора, его жрец, его глава.

И, подбрасывая сучья в пламя дикое,
Я той полночью молился тьме былой –

Вместе с нежитью лесной тысячеликою,
Вместе с горькою и чистой смолой.

1945-1950

Николай Клюев

Я пришёл к тебе, сыр-дремучий бор,
Из-за быстрых рек, из-за дальних гор,
Чтоб у ног твоих, витязь-схимнице,
Подышать лесной древней силищей!

Ты прости, отец, сына нищего,
Песню-золото расточившего,
Не кудрявичем под гусярный звон
В зелен терем твой постучался он!

Богатырь душой, певник розмыслом,
Раздружился я с древним обликом,
Променял парчу на сермяжину,
Кудри-вихори на плешь-лысину.

Поклонюсь тебе, государь, душой –
Укажи тропу в зелен терем свой!
Там, двенадцать в ряд, братьевья сидят –
Самоцветней зорь боевой наряд...

Расскажу я им, баснослов-баян,
Что в родных степях поредел туман,
Что сокрылися гады, филины,
Супротивники пересилены,

Что крещёный люд на завалинах
Словно вешний цвет на прогалинах...
Ах, не в руку сон! Седовласый бор
Чуда-терема сторожит затвор:
На седых щеках слезовая смоль,
Меж бровей-трусоб вещей думы боль.

1912

Выпуск № 714

Владимир Набоков

Кони

Гнедые, грузные, по зелени сырой
весенней пажити, под тусклыми дубами,
они чуть двигались и мягкими губами
вбирали сочные былинки, и зарёй,
вечернею зарёй полнеба розовело.

И показалось мне, что время обмертвело,
что вечно предо мной стояли эти три
чудовищных коня; и медные отливы
на гривах медлили, и были молчаливы
дубы священные под крыльями зари.

1917-1922

Иван Бунин

После битвы

Воткнув копьё, он сбросил шлем и лёг.
Курган был жесткий, выбитый. Кольчуга
Колола грудь, а спину полдень жег...
Осенней сухью жарко дуло с юга.

И умер он. Окостенел, застыл,
Припав к земле тяжелой головою.
И ветер волосами шевелил,
Как ковылём, как мёртвою травой.

И муравьи закопошились в них...
Но равнодушно всё вокруг молчало,
И далеко среди полей нагих
Копьё, в курган воткнутое, торчало.

1903

Иван Бунин

Святогор и Илья

На гривастых конях на косматых,
На золотых стремях на разлатых,
Едут братья, меньшей и старшой,
Едут сутки, и двое, и трое,
Видят в поле корыто простое,
Наезжают – ан гроб, да большой:

Гроб глубокий, из дуба долблённый,
С чёрной крышей, тяжелой, томлёной,
Вот и поднял её Святогор,
Лёг, накрылся и шутит: «А впору!
Помоги-ка, Илья, Святогору
Снова выйти на Божий простор!»

Обнял крышу Илья, усмехнулся,
Во всю грузную печень надулся,
Двинул кверху... Да нет, погоди!
«Ты мечом!» – слышен голос из гроба.
Он за меч, – занимается злоба,
Загорается сердце в груди, –

Но и меч не берёт: с виду рубит,
Да не делает дела, а губит:
Где ударит – там обруч готов,
Нарастает железная скрепа:
Не подняться из гробного склепа
Святогору во веки веков!

Кинул биться Илья – Божья воля.
Едет прочь вдоль широкого поля,
Утирает слезу... Отняла
Русской силы Земля половину:
Выезжай на иную путину.
На иные дела!

Николай Клюев

Поволжский сказ

Собирались в ночнину,
Становились в тесный круг.
«Кто старшой, кому по чину
Повести за стругом струг?

Есть Иванко Шестипалый,
Васька Красный, Кудеяр,
Зауголыш, Рямза, Чалый
И Размыкушка-гусяр.

Стать негоже Кудеяру,
Рямзе с Васькой-яруном!»
Порешили: быть гусяру
Струговодом-большаком!

Он доселе тешил братьев,
Не застаивал ветрил,
Сызрань, Астрахань, Саратов
В небо полымем пустил.

В епанчу, поверх кольчуги,
Оболок Размыка стан
И повёл лихие струги
На слободку – Еруслан.

Плыли долго аль коротко,
Обогнули Жигули,
Еруслановой слободки
Не видали – не нашли.

Закручинились орлята:
Наважденье чем избыть?
Отступною данью-платой
Волге гусли подарить...

Воротились в станица,
Что ни струг, то сирота,
Буруны разъели днища,
Червоточина – борта.

Объявилась горечь в браге.
Привелось, хоть тяжело,
Понести лихой ватаге
Черносошное тягло.

И доселе по Поволжью
Живы слухи: в ледоход
Самогуды звучной дрожью
Оглашают глуби вод.

Кто проведает – учует
Половодный, вещий сказ,
Тот навеки зажалкует,
Не сведёт с пучины глаз.

Для того туман поречий –
Стружный парус, гул валов –
Перекатный рокот сечи,
Удалой повольный зов.

Дрожь осоки – шёпот жаркий,
Огневая вспышка струй –
Зарноокой полонянки
Приворотный поцелуй.

1913

[Выпуск № 728](#)

[Сергей Есенин](#)

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосёт глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и мёдом
По церквам твой кроткий Спас.

И гудит за корогодом
На лугах весёлый пляс.

Побегу по мятой стёжке
На приволь зелёных лех,
Мне навстречу, как серёжки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
"Кинь ты Русь, живи в раю!"
Я скажу: "Не надо рая,
Дайте родину мою".

1914

Николай Клюев

Сказ Грядущий

Кабы молодцу узорчатый кафтан,
На сапожки с красной опушкой сафьян,
На порты бы мухояровый камлот —
Дивовался бы на доброго народ.
Старики бы помянули старину,
Бабки — девичью, зелёную весну,
Мужики бы мне-ка воздали поклон:
Дескать, в руку был крестьянский дивный сон,
Будто белая престольная Москва
Не опальная кручинная вдова...
В тихом Угличе поют колокола,
Слышны клёкоты победного орла:
Быть Руси в златоузорчатой парче,
Как пред образом заутренней свече!
Чтобы девичья умильная краса
Не топталась, как на травушке роса,
Чтоб румяны были зори-куличи,
Сытны варева в муравчатой печи,
Чтоб родная черносочная изба
Возглашала бы, как бранная труба:
Солетайтесь, белы кречеты, на пир,
На честное рукобитие да мир!
Буй-Тур Всеволод и Тёмный Василько,

С самогудами Чурило и Садко,
Александр Златокольчужный, Невский страж,
И Микулушка – кормилец верный наш,
Радонежские Ослябя, Пересвет, –
Стяги светлые столетий и побед!
Не забыты вы народной глубиной,
Ваши облики схоронены избой,
Смольным бором, голубым березняком,
Призакреты алым девичьим платком!..
Тише, Волга, Днепр Перунов, не гуди, –
Наших батырей до срока не буди!

1917

Выпуск № 1153

Николай Клюев

Застольный Сказ

Как у нас ли на Святой Руси
Городища с пригородками,
Красны сёла со присёлками,
Белы лебеди с лебёдками,
Добры молодцы с красотками.
Как молодушки всё ай – да – не замай,
Старичищам только пару поддавай.
Наша банища от Камы до Оки,
Горы с долами – тесовые полки,
Ковш узорчатый – озёрышко Ильмень:
Святогору сладко париться не лень!

Ой вы, други, гости званые,
Сапожки на вас сафьянные,
Становой кафтан – индийская парча,
Речь орлиная смела и горяча,
Сердце-кречет рвётся в поймища степей
Утиц бить да долгоносых журавлей,
Все вы бровью в соликамского бобра,
Русской совестью светлее серебра.
Изреките ж песнослову-мужику,
Где дорога к скоморошью теремку,
Где тропиночка в боярский зелен сад, –

Там под вишеньем зарыт волшебный клад –
Ключ от песни всеславянской и родной,
Что томит меня дремучею тоской...
Аль взаправду успокоился Садко,
Князь татарский с полонянкой далеко,
Призакрыл их след, как саваном, ковыль,
Источили самогуды ржа да пыль,
И не выйдет к нам царевна в жемчугах,
С речью пряничной на маковых губах?

Ой вы, други – белы соколы,
Лихо есть, да бродит около, –
Ключ от песни недалёконько зарыт –
В сердце жаркое пусть каждый постучит:
Если в сердце золотой щемящий звон,
То царевна шлёт вам солнечный поклон;
Если ж в жарком плещут вёсла-якоря,
То Садко наш тешит водного царя.
Русь нетленна, и погостские кресты –
Только вежи на дороге красоты!
Сердце, сердце, русской удали жильё,
На тебя ли ворог точит лезвиё,
Цепь кандальную на кречета куёт,
Чтоб не пело ты, как воды в ледоход,
Чтобы верба за иконой не цвела,
Не гудели на Руси колокола,
И под благовест медовый в вешний день
Не приснилось тебе озеро Ильмень,
Не вздыхало б ты от жаркой глубины:
Где вы, вещи Бояновы сыны?

1917

Николай Гумилёв

Змей

Ах, иначе в былые года
Колдовала земля с небесами,
Дива дивные зрелись тогда,
Чуда чудные деялись сами...

Позабыв Золотую Орду,
Пёстрый грохот равнины китайской,
Змей крылатый в пустынном саду
Часто прятался полночью майской.

Только девушки видеть луну
Выходили походкою статной, —
Он подхватывал быстро одну,
И взмывал, и стремился обратно.

Как сверкал, как слепил и горел
Медный панцирь под хищной луною,
Как серебряным звоном летел
Мерный клёкот над Русью лесною:

"Я красавиц таких, лебедей
С белизною такою молочной,
Не встречал никогда и нигде,
Ни в заморской стране, ни в восточной.

Но ещё ни одна не была
Во дворце моём пышном, в Лагоре:
Умирают в пути, и тела
Я бросаю в Каспийское море.

Спать на дне, средь чудовищ морских,
Почему им, безумным, дороже,
Чем в могучих объятых моих
На торжественном княжеском ложе?

И порой мне завидна судьба
Парня с белой пастушеской дудкой
На лугу, где девичья гурьба
Так довольна его прибауткой".

Эти крики заслышав, Вольга
Выходил и поглядывал хмуро,
Надевал тетиву на рога
Беловежского старого тура.

1915

Выпуск № 19

Николай Клюев

Прохожу ночной деревней,
В тёмных избах нет огня,
Явью сказочною, древней
Потянуло на меня.

В настоящем разуверюсь,
Стародавних полон сил,
Распахнул я лихо ферязь,
Шапку-соболь заломил.

Свистнул, хлопнул у дороги
В удалецкую ладонь,
И, как вихорь, звонконогий
Подо мною взвился конь.

Прискакал. Дубровным зверем
Конь храпит, копытом бьёт, –
Предо мной узорный терем,
Нет дозора у ворот.

Привязал гнедого к тыну;
Будет лихо али прок,
Пояс шёлковый закину
На точёный шеломок.

Скрипнет крашенная ставня...
"Что, разлапушка, – не спишь?
Неспроста повесу-парня
Знают Кама и Иртыш!

Наши хаживали струги
До Хвалынщины подчас, –
Не иссякнут у подруги
Бирюза и канифас..."

Прояснились избёнки,
Речка в утреннем дыму.
Гусли-морок, всхлипнув звонко,
Искрой канули во тьму.

Но в душе, как хмель, струится
Вещих звуков серебро –
Отлетевшей жаро-птицы
Самоцветное перо.

1912

Николай Гумилёв

Из логова змиева

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал – забавницу,
Гадал – своенравницу,
Весёлую птицу-певунью.

Покликаешь – морщится,
Обнимешь – топорщится,
А выйдет луна – затамится,
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, – и хочет топиться.

Твержу ей: "Крещёному,
С тобой по-мудрёному
Возиться теперь мне не в пору.
Снеси-ка истому ты
В днепровские омуты,
На грешную Лысую гору".

Молчит – только ёжится,
И всё ей неможется.
Мне жалко её, виноватую,
Как птицу подбитую,
Берёзу подрытую
Над очастью, Богом заклятую.

1912

Иван Бунин

Алисафия

На песок у моря синего
Золотая верба клонится.
Алисафия за братьями
По песку морскому гонится.

– Что ж вы, братья, меня кинули?
Где же это в свете видано?
– Покорись, сестра: ты батюшкой
За морского Змея выдана.

– Воротитесь, братья милые!
Хоть ещё раз попрощаемся!
– Не гонись, сестра: мы к мачехе
Поспешаем, ворочаемся.

Золотая верба по ветру
Во все стороны клонила.
На сырой песок у берега
Алисафия садилась.

Вот и солнце опускается
В огневую зыбь помория,
Вот и видит Алисафия:
Белый конь несёт Егория.

Он с коня слезает весело,
Отдает ей повод с плёткою:
– Дай уснуть мне, Алисафия,
Под твоей защитой кроткою.

Лёг и спит, и дрогнет с холоду
Алисафия покорная.
Тяжелеет солнце рдяное,
Стала зыбь к закату чёрная.

Закипела она пеною,
Зашумела, закурчавилась:
– Встань, проснись, Егорий-батюшка!
Шуму на море прибавилось.

Поднялась волна и на берег
Шибко мчит глаза змеиные:
– Ой, проснись, – не медли, суженый,
Ни минуты ни единые!

Он не слышит, спит, покоится.
И заплакала, закрылася
Алисафия – и тяжкая
По щеке слеза скатилась

И упала на Егория,
На лицо его, как олово.
И вскочил Егорий на ноги
И срубил он Змею голову.

Золотая верба, звёздами
Отягчённая, склоняется,
С нареченным Алисафия
В Божью церковь собирается.

1912

Выпуск № 911

Николай Клюев

Есть на свете край обширный,
Где растут сосна да ель,
Неисследный и пустынный, –
Русской скорби колыбель.

В этом крае тьмы и горя
Есть забытая тюрьма,
Как скала на глади моря,
Неподвижна и нема.

За оградой высокой
Из гранитных серых плит,
Пташкой пленной, одинокой
В башне девушка сидит.

Злой кручиною объята,
Всё томится, воли ждёт,

От рассвета до заката,
День за днём, за годом год.

Но крепки дверей запоры,
Недоступно-страшен свод,
Сказки дикого простора
В каземат не донесёт.

Только ветер перепевный
Шепчет ей издалека:
"Не томись, моя царевна,
Радость светлая близка.

За чертой зари туманной,
В ослепительной броне,
Мчится витязь долгожданный
На вспенённом скакуне".

1911

Фёдор Сологуб

На меня ползли туманы
Заколдованного дня,
Чародейства и обманы
Выходили на меня,
Мне безликие грозили,
Мне полуденная мгла
Из дорожной серой пыли
Вихри зыбкие вила.

Но таинственное слово
Начертал я на земле, –
Обаянья духа злого
Робко замерли во мгле.
Без меча вошёл я смело
В ту заклятую страну,
Где так долго жизнь коснела
И покорствовалась сну.

Вражья сила разливала
Там повсюду страх и тьму, –

Там царевна почивала,
Сидя с прялкой в терему,
Замерла у дивной пряжи
С нитью тонкою рука;
Ветер стих на буйном взмахе,
Ставнем двинувши слегка.

Я вошёл в её светлицу,
Победитель тёмных сил,
И красавицу девицу
Поцелуем разбудил.
Очи светлые открыла
И зарделась вдруг она,
И рукой перехватила
Лёгкий взмах веретена.

1897

Выпуск № 770

Марина Цветаева

Отмыкала ларец железный,
Вынимала подарок слезный, –
С крупным жемчугом перстенёк,
С крупным жемчугом.

Кошкой выкралась на крыльцо,
Ветру выставила лицо.
Ветры веяли, птицы реяли,
Лебеди – слева, справа – вороны...
Наши дороги – в разные стороны.

Ты отойдёшь – с первыми тучами,
Будет твой путь – лесами дремучими, песками горючими.

Душу – выкричешь,
Очи – выплачешь.

А надо мною – кричать сове,
А надо мною – шуметь траве...

1916

Фёдор Сологуб

В тихий вечер на распутьи двух дорог
Я колдунью молодую подстерёг,

И во имя всех проклятых вражьих сил
У колдуньи талисмана я просил.

Преодо мной она стояла, чуть жива,
И шептала чародейные слова,

И искала талисмана в тихой мгле,
И нашла багряный камень на земле,

И сказала: «Этот камень ты возьмёшь, –
С ним не бойся, – не захочешь, не умрёшь.

Этот камень всё на шее ты носи
И другого талисмана не проси.

Не для счастья, иль удачи, иль венца, –
Только жить, всё жить ты будешь без конца.

Станет скучно – ты верёвку оборвёшь,
Бросишь камень, станешь волен, и умрёшь».

1902

Выпуск № 183

Фёдор Сологуб

Сквозь туман едва заметный
Тихо блещет Кострома,
Словно Китеж, град заветный, –
Храмы, башни, терема.

Кострома – воспоминанья,
Исторические сны,
Легендарные сказанья,
Голос русской старины,

Уголок седого быта,
Новых фабрик и купцов,
Где так много было скрыто
Чистых сил и вещей снов.

В золотых венцах соборов,
Кострома, светла, бела,
В дни согласий и раздоров
Былью русскою жила.

Но от этой были славной
Сохранила что она?
Как в Путивле Ярославна,
Ждёт ли верная жена?

1920

Даниил Андреев

Таится дрёмный мир сказаний,
Веков родных щемящий зов
В нешумной музыке прозваний
Старинных русских городов.

О боре сказочном и хмуром,
О мухоморах в мягком мху
Услышишь память в слове *Муром*,
Приятном чуткому стиху.

Встает простор пустынный, пенный,
На побережьях – конский порск,
И город бедный, белостенный
Мне в прозвище *Белоозёрск*.

Орлы ли, лебеди ли, гуси ль
Ширяли к облаку стремглав
От княжьих стрел, от звона гусель
У врат твоих, *Переяслав*?

И слышу в гордом слове *Туров*
Летящих в мрак ветвей и хвой
Упрямых, круторогих туров
С закинутою головой.

Ветрами чистыми овеян
Язык той девственной поры:
От песен первых, от церквей он,
От простодушной детворы.

И так ясны в той речи плавной
Общенья тех, кто речь творил,
С Душой народа, юной Навной,
Наитчицей творящих сил.

1955

Выпуск № 175

Мария Петровых

Плач китежанки

Боже правый, ты видишь
Эту злую невзгоду.
Ненаглядный мой Китеж
Погружается в воду.
Затонул, златоглавый,
От судьбы подневольной.
Давней силой и славой –
Дальний звон колокольный.
Затонул, белостенный,
Лишь волна задрожала,
И жемчужная пена
К берегам отбежала.
Затонул, мой великий.
Стало оглядь безмолвно,
Только жаркие блики
Набегают на волны...

Арсений Тарковский

Тебе не наскучило каждому сниться,
Кто с князем твоим горевал на войне,

О чём же ты плачешь, княгиня зегзица,
О чём ты поёшь на кремлевской стене?

Твой Игорь не умер в плену от печали,
Погоне назло доконал он коня,
А как мы рубились на тёмной Каяле,
Твой князь на Каяле оставил меня.

И впору бы мне тетивой удавиться,
У каменной бабы воды попросить.
О том ли в Путивле кукуешь, зегзица,
Что некому раны мои остудить?

Так долго я спал, что по русские очи
С калёным железом пришла татарва,
А смерть твоего кукованья короче,
От крови моей почернела трава.

Спасибо тебе, что стонала и пела.
Я ветром иду по горячей золе,
А ты разнеси моё смертное тело
На сизом крыле по родимой земле.

1945-1946

Александр Блок

Сын и мать

Моей матери

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.

В песнях матери оставленной
Золотая радость есть:
Только б он пришёл прославленный,
Только б радость перенести!

Вот, в доспехе ослепительном,
Слышно, ходит сын во мгле,

Дух свой предал небожителям,
Сердце – матери-земле.

Петухи поют к заутрене,
Ночь испуганно бежит.
Хриплый рог туманов утренних
За спиной её трубит.

Поднялись над луговинами
Кудри спутанные мхов,
Метят взорами совиными
В стаю лёгких облаков...

Вот он, сын мой, в светлом облаке,
В шлеме утренней зари!
Сыплет он стрелами колкими
В чернолесья, в пустыри!..

Веет ветер очистительный
От небесной синевы.
Сын бросает меч губительный,
Шлем снимает с головы.

Точит грудь его пронзённая
Кровь и горние хвалы:
Здравствуй, даль, освобождённая
От ночной туманной мглы!

В сердце матери оставленной
Золотая радость есть:
Вот он, сын мой, окровавленный!
Только б радость перенести!

Сын не забыл родную мать:
Сын воротился умирать.

1906

Выпуск № 1190

Владимир Набоков

Русь

Пока в тумане странных дней
ещё грядущего не видно,
пока здесь говорят о ней
красноречиво и обидно –

сторонкой, молча проберусь
и, уповая неизменно,
мою неведомую Русь
пойду отыскивать смиренно, –

по чёрным сказочным лесам,
вдоль рек да по болотам сонным,
по тёмным пашням, к небесам
бесплодной грудью обращённым.

Так побываю я везде,
в деревню каждую войду я...
Где ж цель заветная, о, где –
непостижимую – найду я?

В лесу ли – сумраком глухим
сырого ельника сокрытой –
нагой, разбойником лихим
поруганною и убитой?

Иль поутру, в селе пустом,
о, жданная! – пройдёшь ты мимо,
с улыбкой на лице простом
задумчиво-неуловимой?

Или старушкой станешь ты
и в голубой струе кадильной,
кладя дрожащие кресты,
к иконе припадёшь бессильно?

Где ж просияет берег мой?
В чём угадаю лик любимый?
Русь! иль во мне, в душе самой
уж расцветает ты незримо?

Александр Блок

Русь

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне – ты почишь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,

Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сёл.

Где ведуны с ворожеями
Чаруют злаки на полях,
И ведьмы тешатся с чертями
В дорожных снеговых столбах.

Где буйно заметает вьюга
До крыши – утлое жильё,
И девушка на злого друга
Под снегом точит лезвеё.

Где все пути и все распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поёт преданья старины...

Так – я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету,
И в лоскутах её лохмотий
Души скрываю наготу.

Тропу печальную, ночную
Я до погоста протоптал,
И там, на кладбище ночуя,
Подолгу песни распевал.

И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил,
В какого бога страстно верил,
Какую девушку любил.

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах, ты,
И вот – она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне почивает Русь,
Она и в снах необычайна.
Её одежды не коснусь.

1906